

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

А. И. Шевельков

Аграрная политика государства:
о некоторых аспектах
взаимоотношений власти
и крестьянства во второй половине
XX века

Электронный ресурс

URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Shevelkov.pdf>

Перепечатка с сайта Института
социологии РАН <http://www.isras.ru/>

URL: <http://www.civisbook.ru>

**АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА:
О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ВЗАИМОТНОШЕНИЙ
ВЛАСТИ И КРЕСТЬЯНСТВА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА**

«Товарищи, с вопросом сельского хозяйства шутить нельзя. Сверхплановые накопления мы главным образом будем использовать для расширения средств потребления — и сельского хозяйства. Сельское хозяйство надо поднять» — убеждал Н. С. Хрущев всех собравшихся на заседание расширенного Президиума ЦК КПСС по вопросам сельского хозяйства 16 декабря 1960 г.¹. Хотя еще несколько лет назад (1957 г.), когда он был уверен, что и без значительного увеличения капиталовложений в сельское хозяйство, за 2—3 года страна сумеет догнать и перегнать США по производству и потреблению на душу населения мяса, сливочного масла и молока. Хрущев говорил, что увеличение производства этих видов животноводческой продукции в 3,5 раза и даже в 15 раз, колхозы добьются преимущественно за счет энтузиазма: «Сила колхозного строя, патриотизм советских людей, социалистическое соревнование позволяют решить эту задачу...»². Несомненно, что Хрущев надеялся не столько на трудовой энтузиазм тружеников села, более существенные денежные вливания в аграрное производство, сколько на усиление административно-командных методов руководства сельским хозяйством. Для реализации лозунга: «догнать США в области животноводства» и появилась директивное указание государства о производстве во всех без исключения хозяйствах мяса по 75 ц на 100 га пашни и 16 ц на каждые 100 га других угодий, выращивании по 1 свинье на 1 га пашни. Во внимание не бралась не только специализация хозяйств, но и не учитывались природно-климатические факторы, наличие кормовой базы. Как подсчитали

специалисты, чтобы выполнить подобную «программу-минимум», которую определили как «75—16», в Казахстане предстояло увеличить производства мяса в 7 раз, в Туркмении — в 8,5 раз, тогда как на Украине и Белоруссии — только на 30%. Хотя Прибалтийские республики уже в 1960 г. превзошли этот рубеж³.

«Рязанский опыт» выполнения сверхвысоких и нереальных обязательств, подобных «программе-минимум», примененный и в других регионах страны, стоял в одном ряду с теми методами форсированной коллективизации, которые применялись на рубеже 1920—1930-х гг., когда, ради выполнения непродуманных, волонтаристских указаний партийного руководства, не только сельскому хозяйству, но и всему крестьянскому укладу, был нанесен огромный, в значительной степени, невосполнимый урон. Теперь же, во второй половине 1950-х гг., удар предназначался как животноводческой отрасли, от которого оправлялись в течение длительного времени, материальному положению работников совхозов, так взаимоотношениям государства и крестьян. Рост числа убыточных колхозов, привел к их массовому преобразованию в совхозы, что негативно отразилось на материально-технической и социальной базе последних. На начало 1964 г. стоимость основных фондов на 100 га сельхозугодий в новых совхозах, созданных на базе колхозов, составляла 6,2 тыс. руб., тогда как в старых хозяйствах она составляла 10,5 тыс. руб., а в передовых совхозах — 23—26 тыс. руб. В результате, разворачивающая политика по созданию агрогородов, ликвидации «неперспективных» населенных пунктов, из-за недостатка финансовых средств, была обречена на неудачу. Политика укрупнения колхозов, их преобразования в совхозы и привела к тому, что производственные объекты оказались разбросанными на десятки км от центральных усадеб, а число мелких населенных пунктов резко увеличилось. В первой половине 1960-х гг. в среднем на один совхоз Нечерноземной зоны приходилось 23 населенных пункта, а в ряде областей региона гораздо

больше. К примеру, в Костромской области на 18 совхозов приходилось 1373 населенных пункта или 76 на одно хозяйство⁴. При подобной распыленности производства и населения, форсированная политика по концентрации и специализации производства, реализуемая на рубеже 1960—1970-х гг., не могла быть эффективной. Достаточных средств на содержание социальной сферы всех населенных пунктов ни у государственных сельхозпредприятий, ни у колхозов не было и поэтому процесс вымирания «неперспективных» деревень приобретал обвальный характер.

Реорганизация МТС стояла в одном ряду с теми административными мерами, которое государство регулярно применяло по отношению к колхозам. Навязывание колхозам далеко не новой техники, требующей финансовых затрат на ремонт, содержание, подорвало и без того слабую экономическую базу хозяйств. И до мартовского (1965 г.) значительная часть колхозов так и не смогла расплатиться за технику, и государство было вынуждено списать 120 млн руб. оставшейся задолженности. Те же колхозы, которые за счет краткосрочных и долгосрочных ссуд Госбанка, выплатили за приобретенную технику, оказались в еще большей финансовой зависимости от государства, которое продолжало диктовать закупочные цены. Поэтому колхозам и колхозникам пришлось «потуже» затягивать пояса. Небольшие доходы хозяйств, которые они получали за реализацию продукции, шли не на расширение производства, материальное стимулирование труда сельских тружеников, а на выплату долгов. Как следствие — намеченные объемы производства мяса и молока в 1964 г. были выполнены только на 54 и 64%. В соответствии же с планом семилетки (1959—1965 гг.), валовая продукция сельского хозяйства должна была возрасти на 70%, а выросла только на 10%. Замедлился и рост урожайности основных культур, а о многократном увеличении производства животноводческой продукции, вообще говорить не приходилось. Как не произошло и роста объемов финансирования сельского хозяйства, о котором

часто и убедительно говорил Хрущев. Если за наиболее удачный период развития сельского хозяйства, обозначенный 1954—1958 гг., государственные вложения в аграрную сферу составили 11,3% всех капиталовложений, то по контрольным цифрам семилетки (1959—1965 гг.), они были определены только в 7,5%⁵.

Несмотря на то, что колхозы и совхозы, ориентируясь на государственный план закупок, получили право самостоятельно определять структуру посевов, применять агротехнические приемы, на практике сохранялись старые подходы в руководстве сельским хозяйством. В конце 1950 — начале 1960-х гг. товарная продукция зерна, мяса и молока почти полностью реализовывалась в порядке государственных закупок. Более того, в планы закупок включалась не только вся товарная продукция, но и значительная часть валовой продукции, которая должна была идти на расширение производства, а также на натуральную оплату труда колхозников или продажу продуктов рабочим совхозов. Фактически применялась проверенная практикой продовольственная разверстка. С каждым годом ее объемы увеличивались, а объемы натуральной оплаты сокращались. За период 1955—1964 гг. выплата зерна натурой сократилась с 1 т до 490 кг на один двор. Даже в наиболее урожайном, 1964 г., после выполнения плана закупок, в колхозах осталось на производственные нужды и для выдачи колхозникам на 1,2 млн т зерна меньше, чем в более сложном 1962 г. Что могло означать — после засухи 1963 г., неурожая, государство «запасалось» большим объемом зерна, дабы снизить размеры его импорта.

Таким образом, отказавшись от радикальных решений сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК, государство пыталось решить последствия неэффективной аграрной политики за счет крестьянства. Хозяйства не только сокращали фонд натуральной оплаты труда, семян, фуража, но и были вынуждены идти с протянутой рукой к государству. Продав по низким ценам большую часть

продукции, они обращались к государству за помощью, которая не была безвозмездной. На условиях продажи, обмена на другую продукцию, а также в счет поставок будущего года, ежегодно тысячи хозяйств получали из резервных фондов семена, продовольственное зерно и фураж. Поставки из государственных резервов происходили в течение нескольких месяцев, что приводило к перебоям в обеспечении скота зернофуражом, которое шло не для повышения продуктивности животных, а на поддерживающее кормление. В итоге животноводческая отрасль не могла быть рентабельной, и поэтому хозяйства постоянно срывали планы продажи государству продукции.

В связи с нарастающей проблемой производства и продажи государству мяса, крестьяне вообще перестали получать мясо в виде натуральной оплаты труда.

Раскритиковав политику Хрущева в развитии животноводства и признав его убыточным, новое партийное руководство на мартовском (1965 г.) пленуме ЦК КПСС, предложило ряд мер, которые, по его мнению, должны были привести к подъему отрасли. Во-первых, намечалось установить твердый план закупок животноводческой продукции на период до 1970 г. Во-вторых, ввести надбавки к действующим заготовительным ценам: по крупному рогатому скоту — от 20 до 70%, по свиньям — от 30 до 70%, по овцам — от 10 до 70%, а в высокогорных районах сразу на 100%. Как считали в ЦК КПСС и СМ СССР, это позволит не только обеспечить безубыточное производство мяса, но уже в ближайшие 2—3 года привести к «коренному перелому» в развитии сельского хозяйства⁶. Как и Хрущев, призывавший за 2—3 года догнать и перегнать США по производству животноводческой продукции, новое руководство отводило такой же нереальный срок. При этом подчеркивая, что «постоянный план не ослабевает, а напротив, повышает ответственность партийных и советских органов за увеличение производства сельскохозяйственной продукции, за выполнение государственных заданий. Все регулирующие государственные рычаги должны

способствовать тому, чтобы колхозы и совхозы страны, были поставлены примерно в равные условия развития. Успехи будут в решающей степени зависеть ... от энтузиазма и трудолюбия работников сельского хозяйства»⁷. Иначе говоря, вновь все надежды были связаны с трудовой активностью селян и с «регулирующей ролью государства», а точнее с административно-командным ресурсом. О повышении личной материальной заинтересованности колхозников и рабочих совхозов, ничего конкретного не было предложено. Хотя на мартовском (1965 г.) пленуме ЦК КПСС, среди основных причин «топтания» сельского хозяйства на месте в «эпоху» Хрущева, называлось игнорирование принципов «сочетания общественных и личных интересов».

Если объемы закупок зерна оставались неизменными на все годы восьмой пятилетки, а за сверхплановую продажу пшеницы и ржи полагалась 50% надбавка к основной закупочной цене, то с животноводческой продукцией этого сделано не было. Более того, объемы государственных закупок этой продукции с каждым годом должны были возрастать на 500 тыс. т. Небольшое же повышение закупочных цен на отдельные виды животноводческой продукции, проведенное в годы восьмой пятилетки, должного эффекта не имело. Производство большинства видов этой продукции по-прежнему оставалось нерентабельным. Недофинансирование сельского хозяйства, низкий уровень механизации труда, а особенно в животноводстве, низкие закупочные цены, отсутствие надежной кормовой базы — среди основных причин, которые не позволили выполнить задания восьмой пятилетки. Хотя в сравнении с предшествующим пятилетием, успехи были налицо: среднегодовой объем валовой продукции увеличился на 18%. Однако, руководство страны не было удовлетворено темпами и результатами развития сельского хозяйства, так как государственные резервы продовольствия существенно не пополнялись, а потребление основных видов продуктов на душу населения,

повышалось очень медленно. Так, за период 1965—1969 гг. потребление мяса в среднем по стране увеличилось с 41 до 47 кг, тогда как в Нечерноземье оно составило 33 кг.⁸ Тогда как в США еще в 1949 г. потребление мяса на душу населения составляло 81 кг, а в 1970-е гг. перевалило за 120 кг⁹. В результате нерентабельности животноводческой отрасли, усугубленной последствиями стихийных бедствий 1968—1969 гг., в стране осложнилась положение с обеспечением населения продовольствием. О чем и сообщил на декабрьском (1969 г.) пленуме ЦК КПСС Председатель Госплана СССР Н. К. Байбаков: «Должен доложить, что в будущем году будет ощущаться напряжение в обеспечении населения некоторыми видами пищевой промышленности»¹⁰. В связи с чем, страна пошла на вынужденные, если не сказать беспрецедентные меры. В 1970 г. было закуплено около 100 тыс. т. импортного мяса, а также на 55 тыс. т. уменьшен его экспорт в ГДР. Одновременно на более чем 150 тыс. т. была сокращена продажа за границу растительного масла¹¹. Вместо того, чтобы ввести стимулирующие факторы для производства целого ряда видов продукции, увеличить финансирование, укрепить материально-техническую базу хозяйств, государство «отрегулировало» экспортно-импортные позиции. И, кроме того, озаботилось объемами закупок зерна. На этом же пленуме ЦК Л. И. Брежнев выразил недовольство руководства страны нарастающей тенденции, когда хозяйства увеличивали объемы зерна на собственные нужды.

Поверив решениям мартовского (1965 г.) пленума ЦК КПСС и выполнив твердый план государственных закупок, колхозы стали постепенно увеличивать объемы натуральной оплаты труда колхозникам. Ведь по существу, государство сказало хозяйствам и сельским труженикам то же самое, о чем в 1920-х гг. говорил Н. И. Бухарин, обращаясь к крестьянам с призывом «обогащаться», заверив, что больше никто их не тронет. Как известно, за срыв хлебозаготовок 1927—1928 гг. зажиточное крестьянство в

ходе форсированной коллективизации подверглось насилию со стороны государства. Результатом же радикальных решений мартовского (1965 г.) пленума ЦК КПСС, стало увеличение объемов производства валовой продукции зерна. Его среднегодовое производство превысило 160 млн т, в 1966 г. даже превысило 170 млн рубез¹². Намечалась реальная перспектива достичь рубежа 180—200 млн т. Чего мечтал добиться Хрущев путем призывов и лозунгов, было получено за счет усиления внимания к материальному стимулированию сельхозпроизводства. Ведь удельный вес капитальных вложений в сельское хозяйство к их общему объему по народному хозяйству в седьмой пятилетке, был увеличен с 20% только до 23% в восьмой пятилетке. Однако лишь некоторое время многие хозяйства устраивала 50% надбавка на продаваемую государству сверхплановую продукцию. Так как повышение цен на сельхозтехнику, запасные части, топливо, строительство на селе, произошедшее после мартовского (1965 г.) пленума ЦК, сделало для многих колхозов невыгодным продавать хлеб государству даже с 50% надбавкой. Поэтому продавали они его не без административного нажима. В итоге, в конце 1960-х гг. объемы закупок едва покрывали нужды государства в хлебе. ЦСУ СССР информировало о том, что за период 1960—1969 гг. потребление хлеба и хлебопродуктов на душу населения сократилось с 164 до 151 кг, в государственных резервах запасов хлеба, ежегодно оставалось — лишь на несколько месяцев потребления¹³. В связи с чем Брежнев сделал серьезный упрек колхозам, которые все больше и больше зерна оставляли в хозяйствах, а не продавали государству сверх планового задания. Если в 1966 г. из 171 млн т валового сбора зерна в колхозах и совхозах осталось около 95 млн т, то в 1969 г. уже более 100 млн т из 169,5 млн т. Что никак не повлияло на развитие животноводства. «Государство, таким образом, было достаточно щедрым. А чем ответили ему? Тем, что поголовье КРС по всем категориям хозяйств уменьшилось. На селе торгуют мясом из государственных ресурсов.

Торговля эта развивается весьма успешно. Но легко понять, к чему приведут такие, с позволения сказать успехи» — заключил свое выступление Брежнев¹⁴. Однако, уже на июльском (1970 г.) пленуме ЦК КПСС выяснилось, что государство оказалось не таким уж щедрым — сельское хозяйство недополучило около 10 млрд руб. или более 20%, от запланированных объемов финансирования на восьмью пятилетку. Кроме того, недопоставило колхозам и совхозам около 1 млн единиц техники, а также на 1,7 млрд руб. сельхозмашин. Даже Брежнев был изумлен: «Если такими темпами пополнять машинно-тракторный парк колхозов и совхозов и в дальнейшем, то потребуются много лет, для того, чтобы в полном достатке обеспечить наше сельское хозяйство техникой»¹⁵.

Несмотря на слабую техническую базу сельского хозяйства, было решено увеличить твердый план закупок зерна до 60 млн т. Для того же, чтобы в ближайшие годы довести его закупки до 80—85 млн т, была поставлена задача — обязать каждое хозяйство, область, край или республику — продавать за пятилетие как минимум 35% зерна сверх плана¹⁶. Могли ли выдержать такие планы хозяйства РСФСР, включая Нечерноземную зону РСФСР?

Несмотря на списание в 1965 г. с колхозов задолженности по ссудам Госбанка в объеме 2 млрд 100 млн руб., оставшаяся задолженность составляла около 3 млрд руб., которая постоянно возрастала. На 1 января 1973 г. колхозы республики имели задолженность только по долгосрочным ссудам Госбанка в сумме 8 млрд 136 млн руб., тогда как в 1972 г. колхозы смогли погасить долгосрочных ссуд только на 484 млн руб. Ежегодно около тысячи колхозов РСФСР заканчивали хозяйственный год с убытком. Кроме того, свыше трех тысяч колхозов имели крайне низкую рентабельность: до 5% — 880 и до 15% — 2250 хозяйств. То есть, около трети колхозов республики практически не имели собственных средств для нормальной производственно-хозяйственной деятельности. Особенно в тяжелом положении находились колхозы Нечерноземной

зоны РСФСР. На рубеже 1960—1970-х гг. здесь насчитывалось более 1 100 убыточных колхозов. Многие из них были вынуждены формировать значительную часть основных и оборотных средств за счет государственного кредита. Так как получаемые доходы не обеспечивали своевременного возврата ссуд Госбанка, эти хозяйства имели большую задолженность, которая постоянно увеличивалась. На начало 1972 г. 2368 экономически слабых колхозов республики имели задолженность по ссудам Госбанка — 1,9 млрд руб. при годовом чистом доходе менее 100 млн руб. «Большая часть этих хозяйств не может рассчитаться с государством по полученным ссудам, а руководители таких колхозов и колхозники не видят перспектив дальнейшего развития производства без оказания финансовой помощи со стороны государства» — говорилось в письме председателя СМ РСФСР М. С. Соломенцева, направленного 1 августа 1972 г. в адрес Брежнева¹⁷. Несмотря на то, что правительство РФ просило списать с экономически слабых колхозов 700 млн руб. задолженности по долгосрочным и краткосрочным ссудам, государство в 1972 г. на это не пошло. Им была дана только отсрочка погашения задолженности. Только весной 1974 г., когда было принято первое постановление по развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР, с колхозов была списана лишь частичная задолженность по ссудам госбанка в объеме 202 млн руб. В то время как совхозы и другие государственные сельхозпредприятия, не переведенные на полный хозрасчет, по постановлению СМ СССР получили 311 млн руб. на восполнение недостатка собственных оборотных средств, образовавшегося в 1972 г., и на погашение ссуд банка, выданных на эти цели в прошлые годы. Хотя российское правительство просило СМ СССР оказать финансовую помощь в сумме 1 410 млн руб. Это было «достойным» подарком труженикам сельского хозяйства от государства, которое в эти дни отмечало 50-летие со дня своего образования¹⁸.

Библиография

¹ См.: Президиум ЦК КПСС. 1954—1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 1 М., 2003. С. 452, 453.

² Никита Сергеевич Хрущев: Два цвета времени: Документы из личного фонда Н.С.Хрущева: В 2 т. Т. 2. М., 2009. С. 104.

³ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 191. Л. 64

⁴ Там же. Д. 186. Л. 65.

⁵ Мартовский пленум ЦК КПСС. 24—26 марта 1965 г. Стенографический отчет. М., 1965. С. 8.

⁶ Там же. С. 16.

⁷ Там же. С. 19.

⁸ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 190. Л. 7.

⁹ См.: Политбюро ЦК ВКП (б) и Совет Министров СССР. 1945—1953. М., 2002. С. 389.

¹⁰ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 173. Л. 44.

¹¹ Там же. Л. 46.

¹² Там же. Л. 17.

¹³ Там же. Д. 190. Л. 285.

¹⁴ Там же. Д. 191. Л. 119.

¹⁵ Там же. Л. 5.

¹⁶ Там же. Л. 6.

¹⁷ ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 46. Д. 2281. Л. 11.

¹⁸ Там же. Д. 2284. Л. 1.